

Дононбаев А.Д.

МИРОВОЙ ПОРЯДОК КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ (методологические и методические рекомендации)

УДК 321 (575.2) (04)

In this article analysis the concept of world order. World order studies as the core of system international relations.

Одной из важных задач в курсе «Теории международных отношений» является методологически и методически правильное раскрытие содержательных характеристик такого явления как «мировой порядок» («миропорядок»). Мировой порядок определяется по-разному. «Миропорядок, - полагает Шахназаров Г.Х., - это совокупность доминирующих в международных отношениях политических принципов, правовых норм и условий экономического обмена...»¹¹⁴. На мой взгляд, мировой порядок – это **парадигма**, т.е. единство нормы и культуры (в широком контексте), проявляющаяся в поведенческих ориентациях субъектов мировой политики, определяющая суть, характер, стержень системы международных отношений. Мировой порядок конституирует структурное звено (способ организации, логику строения) в системе международных отношений.

Такое определение, как представляется, имеет важное теоретико-методологическое значение. Первое, понятие «миропорядок» охватывает целостным взглядом всю совокупность факторов прямо или косвенно влияющих на состояние и развитие международных отношений. Таким образом, удастся преодолеть или хотя бы свести к минимуму основную слабость научного анализа этой сферы – фрагментарность. Не приходится специально доказывать, какое это имеет значение и для теории, и для практики. Ведь оценки и тем более прогнозы, основанные на учете какого-то одного элемента или двух-трех, имеют весьма невысокую степень достоверности. Следовательно, могут вести к серьезным ошибкам в политике со всеми вытекающими отсюда последствиями. Второе, понятие «миропорядок» дает возможность организовать весь разнородный материал, связанный с изучением международных отношений, рассмотреть его системно и разработать на этой основе единую теорию, резко расширив, тем самым, пределы предвидения будущего, повысив его достоверность. Третье, понятие «миропорядок» помогает органично связать международные

отношения с процессом общественного развития в его глобальном выражении. Четвертое, понятие «миропорядок» позволяет скоординировать усилия многих наук как социально-гуманитарного, так и естественно-технического профиля в поиске путей решения наиболее острых глобальных проблем современности.

Раскрывая с этих позиций данную тему в студенческой аудитории, целесообразно сосредоточиться на изложении следующих моментов.

Во-первых, вначале необходимо показать взаимосвязь понятий «хаоса» и «порядка» в международных отношениях. Можно ли вообще говорить о том, что в мире имеется какой-то «порядок»? Ведь на международной арене нет монополии на власть, и наличие большого количества самостоятельных государств, действующих исключительно в собственных интересах, заставляет говорить скорее о международной «анархии». И все-таки в реальной действительности свобода действий субъектов международного права не приводит к не имеющей предела международной анархии. Исходя из собственных интересов, государства налагают определенные ограничения на свою внешнеполитическую деятельность. Вот эти-то упорядоченные международные отношения, проявляющие себя в рамках определенного набора *ограничений*, делающие их относительно стабильными и предсказуемыми, называют обычно системой международных отношений.

Как отмечается в научной литературе, устойчивый миропорядок появился не сразу: он стал возможным лишь на определенной стадии развития цивилизации. Не случайно первая в истории человечества прочная и устойчивая система международных отношений – так называемый «европейский концерт» - сложилась лишь в начале XIX в., т.е. после образования мирового рынка и наполеоновских войн, покончивших с партикуляризмом и феодальной замкнутостью в странах Западной и Центральной Европы. Просуществовав вплоть до середины XX в., «европейский концерт», бывший своего рода кондоминиумом великих европейских держав, прекратил свое существование, сменившись новой международной системой – биполярной. В свою очередь, биполярный миропорядок рухнул, и на смену ему на рубеже XX – XXI вв. идет новый мировой порядок, с неопределившимися векторами развития.

¹¹⁴ Шахназаров Г.Х. Грядущий миропорядок. О тенденциях и перспективах международных отношений. М.: 1981. – С.8.

И. Пригожин подчеркивает, что в процессах самоорганизации открытых нелинейных систем обнаруживается двойственная, амбивалентная природа хаоса. Он выступает как двуликий Янус. Хаос разрушителен (сложные системы в развитых состояниях могут быть чувствительными к малым хаотическим флуктуациям на микроуровне). И в то же время хаос конструктивен, созидателен (сам хаос может быть защитой от хаоса (механизмом согласования темпов эволюции при объединении простых структур в сложные, а также механизмом переключения, смены различных режимов развития системы). Хаос конструктивен через свою разрушительность и благодаря ей, разрушителен на базе конструктивности и через нее. Разрушая, он строит, а строя, приводит к разрушению¹¹⁵.

Размышляя о неустойчивом характере мировых политических процессов, соотношении закономерного и случайного в их развитии, ученые отмечают возникновение нового статуса **случайности** в постнеклассической науке: она оказывается в центре любого процесса, делая его **нелинейным**, неоднозначным и потому в существенных моментах **непредсказуемым**. В течение двух последних десятилетий методы нелинейной динамики применялись для моделирования и анализа международных процессов, прежде всего касающихся глобализации. Развитие таких сложных систем, как государства и страны, а также межгосударственные объединения, имеет нелинейный характер и сопровождается резкими трансформациями, в процессе которых неизменно возникает хаотизация. Нелинейная динамика этих процессов означает, что возможности их рационального прогнозирования, централизованного управления и контроля ограничены. Необходимо своевременно распознавать симптомы неустойчивости и возможные параметры тенденций к порядку или беспорядочности, которые могут доминировать в глобальных тенденциях. Но одной диагностики шатких равновесных состояний динамики недостаточно. Следует научиться воздействовать на нестабильные состояния, принимать во внимание нелинейную динамику глобальных процессов. Их нестабильность связана с рядом факторов: геополитическими сдвигами, формированием «однополярного» мира в конкуренции с его многополярной моделью, активизацией сетей мирового терроризма, распространением ядерного оружия, неустойчивостью международных финансовых рынков, этническими конфликтами, региональ-

ными экологическими кризисами, грозящими перейти на глобальный уровень.

Таким образом, процессы глобализации характеризуются как сложные, нестабильные и нелинейные. Утверждается, что для оптимального функционирования глобальный мир должен быть открытым, а возникающие в нем проблемы – решаться с учетом всех потенциальных воздействий, даже предположительно незначительных и случайных. Отсюда следует тезис о возрастании международной роли «креативно-диалоговой культуры», способной к пониманию «не своих», иных культурных традиций и установлению отношений сотрудничества с оппонентами. С одной стороны, глобализация тяготеет к приданию мировой цивилизации большей устойчивости, поскольку она работает на увеличение потенциала общечивилизационных составляющих, которыми проще управлять. С другой – она на самом деле провоцирует возрастание неустойчивости мировой системы, поскольку ее результат усложняет мир, делает его более динамичным, сложно организованным, развивающимся согласно не только линейным закономерностям. Нужно ли говорить, что в таком мире смешны и наивны попытки анализировать современные международные отношения по матрицам концепций «баланса сил» или вульгарной геополитики в ее зарубежных и, увы, отечественных исполнениях.

Исходя из констатации нестабильности мира, исследователи обращают внимание на различные аспекты глобального мироуправления. Прежде всего, предлагают ввести в практику стратегического планирования и текущего управления *специализированный мониторинг* текущих международных процессов с учетом их нелинейности и неустойчивости. Такой мониторинг возможен применительно к целям универсальных международных организаций (ООН), региональных союзов (ЕС), международных экономических финансовых институтов (ВТО, МВФ). Учет особенностей подобных процессов требует адаптации соответствующих правовых полей, регламентирующих избранные сферы международного взаимодействия. Например, более «прицельного» регулирования самоорганизации мировых рынков или продуманного применения международных силовых санкций (интервенций). Пока же нет оснований предполагать, что уже в ближайшем будущем может быть создана полностью централизованная и эффективная система международного управления.

Кроме того, глобализация рассматривается в литературе как мощнейшая из сложных динамических систем. Складывающаяся «многовекторная неравновесность» заменила биполяр-

¹¹⁵ Prigogine I. The Philosophy of Instability // Future. August. 1989. P. 397.

ную динамику равновесия времен «холодной войны». Место единственного доминирующего конфликта (Восток-Запад) заняло множество локальных очагов, которые могут дать толчок движения к глобальной катастрофе. «Равновесие ужаса заменяется ужасом неравновесия». По мнению ряда авторов, в условиях глобализации претензии какой-то одной страны на роль «всемирной державы» рискованны: ни одно государство самостоятельно не сможет исполнять функции регулирования в такой сложной динамической системе, как планетарная глобализация. Наконец, некоторые авторы прямо связывают глобальную неустойчивость современного мира с феноменом однополярной системы при главенствующей роли США. Исследователи пишут о «силах хаоса», стратегиях «управляемых кризисов» и «управленческого хаоса». Но возможно, что концепции нелинейной динамики и теории хаоса можно использовать в интересах «стратегического заказчика на управляемый хаос», то есть для укрепления доминирующего положения единственной сверхдержавы¹¹⁶.

Одна из наиболее серьезных опасностей глобализации – нестабильность финансовых рынков в процессе их самоорганизации. Например, локальный кризис в Юго-Восточной Азии (1997-1998 гг.) породил лавину разорений на рынках других регионов. Вот почему в экономической сфере «стратегия управляемых кризисов» (например, для такой мощной страны, как США) сводится к тому, чтобы ослаблять наиболее опасных потенциальных экономических конкурентов, не создавая системных рисков для мировой экономики в целом. В этой связи трудно предсказать, каковы будут длительность, глубина, масштаб и последствия финансово-экономического кризиса 2008 г. Критически осмысливая нелиберальные представления о роли рыночных механизмов, Дж. Сорос подчеркивает, что традиционное представление о способности рынков к саморегулированию, популярное со времен М.Тэтчер и Р.Рейгана, на самом деле безосновательно, и подтверждением тому служат регулярные кризисы. Случайное стечение обстоятельств, связанное с предрассудками и действиями людей, может повлиять на направление развития экономики.

Во-вторых, как показывает исторический опыт, конфигурация мирового порядка формируется в процессе взаимодействия **институцио-**

нального и человеческого факторов. В науке международных отношений довольно прочно укоренился миф о том, что единичное человеческое усилие не может иметь видимого влияния на ход истории, что деятельность каждого отдельного человека несущественна для макросоциальных процессов.

Еще Ю.М. Лотман, характеризуя данное обстоятельство, отмечал: борьба с романтическими концепциями истории «толкала историческую науку к тому, чтобы отождествлять объективность с **внеличностью** исторических процессов. История общественных институтов, борьба социальных сил, идеологических течений как бы отменила историю людей, отведя им роль статистов во всемирной драме человечества. Значение их, конечно, не отрицается, но «напоминает театральную программку, где против ролей написано несколько фамилий исполнителей, которые могут с равным успехом сыграть одну и ту же роль в рамках одной пьесы». Можно сказать, что в тех сферах истории, где люди играют роль «частиц крупного размера», включенных в броуновское движение гигантских сверхличностных процессов, законы причинности предстают в своих простых, можно сказать, механических формах. Там же, где история предстает как множество альтернатив, выбор между которыми осуществляется интеллектуальной и волевой силой человека, необходимы поиски новых и более сложных форм причинности». Касаясь проблемы выбора альтернатив, автор писал о возрастании «удельного веса моментов исторических флуктуаций».

То же самое замечает И. Пригожин: «История человечества не сводится к основополагающим закономерностям или к простой констатации событий. Каждый историк знает, что изучение исключительной роли отдельных личностей предполагает анализ социальных и исторических механизмов, сделавших эту роль возможной. Знает историк и то, что без существования данных личностей те же механизмы могли бы породить другую историю»¹¹⁷. В сложной системе флуктуации на микроуровне ответственны за выбор той ветви, которая возникнет после точки бифуркации. Синергетический анализ раскрывает, что через хаос осуществляется связь разных уровней организации. В соответствующие моменты – моменты неустойчивости – малые возмущения, флуктуации могут разрастаться в макроструктуры. Из этого общего представления следует, в частности, что усилия, действия отдельного человека не бесплодны, они отнюдь не всегда полностью растворены,

¹¹⁶ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века (http://www.patriotica.ru/actual/panar_strategy.html).

См. также: *Делокаров К.Х.* Глобализация и теория хаоса (<http://spkurdyumov.narod.ru/D4Delokarov.html>).

¹¹⁷ *Пригожин И., Стенгерс И.* Время, хаос, квант. М., 1994. С. 54-55.

нивелированы в общем движении социума. В особых состояниях неустойчивости международной среды действия каждого отдельного человека могут влиять на макросоциальные процессы. Отсюда вытекает необходимость осознания каждым человеком огромного груза ответственности за судьбу всей социальной системы, всего общества.

Многообразная панорама взаимозависимых суверенных государств и наднациональных организаций в действительности образует объективную жизненную среду международных отношений. Однако, к сожалению, в такого рода «объективном» представлении сама история международных отношений и роль национальных государств как политических институтов, начинает выглядеть «безликой». В последние десятилетия интенсивно развивающаяся политологическая и социологическая мысль все больше отказывается от жестких детерминистских парадигм; например, марксистской и структурно-функционалистской, предполагающих обусловленность общественных структур, в том числе *институциональных*, каким-либо одним фактором: в первом случае экономическим, во втором – ценностями культуры. Решающую роль в процессе институционализации, согласно современным теориям играет совокупный социальный субъект, т.е. конкретные живые люди, которые в самой жизненной практике воздействуют и преобразуют политические структуры. Причем становление определенной *институциональной среды* происходит не в результате действий самих по себе людей, или, напротив, функционирования каких-то обособленно рассматриваемых политических, экономических, культурных структур, а только в ходе их органического взаимодействия, даже «слияния». *Институциональный процесс* есть своеобразная целостность «включенности» экономических, политических, культурных и прочих структур в деятельную сущность человека, и наоборот, человеческих побуждений и деяний в сущностные характеристики экономических, политических, культурных структур.

Следовательно, нельзя гипертрофировать роль институциональных образований (ООН, ОБСЕ, НАТО, МВФ, ВБ, ШОС и т.д.) в обеспечении эффективности действия механизма международных формальных норм. Решающее значение имеет наполняющее эти формы содержание, которое сообщает им действительную способность оптимального выбора соответствующего варианта международного развития. Это содержание формирует общий уровень самосознания общества, зрелость его политической культуры, характер господствующих в нем умонастроений и тому подобные факторы, образующие в своей совокупности ту духовную

атмосферу, которая царит в обществе, характеризую меру его цивилизованности. Действительно работающий механизм международного взаимодействия не может быть просто декретирован на институциональном уровне. Любая, даже самая радикальная политическая акция, направленная на создание такого механизма, неминуемо захлебнется, если она не найдет широкую опору и поддержку в общественном самосознании, являющемся, в свою очередь, продуктом определенной культурной традиции. Признание многовариантности развития международных отношений несовместимо с представлением об исторической необходимости как фатальной силе, прокладывающей себе путь с железной неотвратимостью сквозь хаотическое сцепление случайностей, образуемое разнонаправленной деятельностью людей. Альтернативность в истории есть форма существования необходимости, так как последняя может выразить себя не иначе как в многообразии той социальной действительности, которая всегда выступает результатом деятельности человека.

В начале XXI века в исследованиях международных процессов происходит смена **парадигм**. Нестабильную, неравновесную глобализирующуюся международную систему все труднее анализировать только на основе старых «линейных» подходов. Более глубокое понимание и прогнозирование политических процессов требует непрерывного обновления аналитического инструментария, в том числе – за счет использования методов нелинейной динамики, учитывающих синергетические эффекты, открытые постнеклассической наукой последних десятилетий. Основное противоречие наступившего XXI века – это конфликт между «Севером» и «Югом», т.е. между богатыми (и сильными) странами, поглощающими основную массу мировых ресурсов, и бедными (и слабыми). Международная безопасность зависит от разрешения этого противоречия, главную роль в котором играют богатые страны. А поскольку самой богатой страной «Севера» являются США, то вполне естественно, что острие международного терроризма адресовано, прежде всего, им. Поэтому международный терроризм носит в первую очередь антиамериканский характер. Терракты в США – это геополитический и геоэкономический ответ богатому «Северу» со стороны бедного «Юга», разрыв между которыми достиг таких пропорций, что по существу дело идет уже к маргинализации не только отдельных государств, но и целых регионов мира, бомбить которые в качестве источника «мирового зла» бессмысленно и крайне опасно. Тем более, что «разбомбить» идеологию невозможно. Это значит, что процессы, которые обобщенно называют

«глобализацией», скорее всего, несколько замедлятся. В свете происшедших событий они должны быть переосмыслены. Во всяком случае, эти процессы должны интегрировать интересы гораздо большего количества стран, чем раньше.

Глобализация из идеи партикулярной, отражающей волю богатых стран, должна превратиться в подлинно глобальную и всеобщую, блага от которой могли бы получать все, а не только «избранные» страны и народы. События начала XXI века заставляют задуматься о переоценке роли международного права в целом. Нужно решить вопрос о соотношении права и силы. Роль права, его моральный авторитет и моральный авторитет международных организаций, включая ООН, были подорваны известными событиями предшествующего периода, прежде всего действиями США в Югославии и в Ираке. Это многим внушило подозрение, что на самом деле международное право носит лишь декларативный характер и не является источником силы. Право в настоящее время санкционируется силой. Есть сила – есть и право. Но такое положение недопустимо. Развитым странам мира нужно продемонстрировать свое уважение к международному праву, а для этого начать меняться самим. Нужно понять, что международное сообщество XXI века – это не мир центров силы, а мир взаимоуважения наций и культур.

В-третьих, в студенческой аудитории надо рассмотреть соотношение понятий **«мировой порядок»** и **«международный порядок»**. Поскольку содержание термина «международный порядок» традиционно связано с межгосударственными отношениями, С. Хоффманн предлагает отличать его от термина «мировой порядок». С этой точки зрения, международный (а вернее сказать, межгосударственный) порядок вполне может существовать без наличия мирового порядка. В качестве примера можно привести государства, между которыми существуют отношения взаимного уважения и в то же время полного безразличия к внутренним делам друг друга, что делает возможным в том или ином из них геноцид или экономическую эксплуатацию основной массы населения. Напротив, мировой порядок немислим без создания эффективных процедур межгосударственного сотрудничества, предполагающих особый международный порядок, отвечающий общим основным целям и ценностям их граждан. В юридических терминах речь идет о различии между правами государств (взаимном уважении суверенитета) и правами человека. Разница между рассматриваемыми понятиями заключается и в том, что если международный порядок как более или менее оптимальное устройство

международных отношений, отражающее возможности общественных условий, существовал практически на всех этапах истории межгосударственных отношений, то этого нельзя сказать о мировом порядке.

По мнению Н.Ренгера, мировой порядок воплощает модели человеческой деятельности, которые обеспечивают элементарные или главные цели общественной жизни человечества в целом¹¹⁸. Международный порядок – модели поведения, связанные с реализацией главных задач сообщества государств или международного сообщества. Один из крупнейших немецких философов XX в. Карл Ясперс понимал мировой порядок как «принятое всеми устройство, возникшее вследствие отказа каждого от абсолютного суверенитета», как общечеловеческие ценности и юридические нормы, как «правовое устройство мира посредством политической формы и связывающего всех этноса»¹¹⁹. Мировая история до сих пор не знала подобного устройства, но это не означает, что мировой порядок невозможен в принципе. С расширением круга участников международных отношений, а также усилением взаимозависимости мира, стимулируемым и научно-техническим прогрессом, и обострением глобальных проблем, тенденция к общемировому устройству человеческой жизни становится все более отчетливой. В самой этой тенденции отражаются общесоциологические процессы и закономерности, обусловленные деятельностью социальных общностей на мировой арене.

Таким образом, международный порядок — важная составная часть мирового порядка, его ядро, но к нему не сводится все содержание мирового порядка. Эти понятия не следует отождествлять. В то же время неверно и абсолютизировать их различие. Они имеют общие основы, которые цементируют единство человеческого общества, обеспечивают его целостность. К числу таких основ относятся международные экономические обмены, возрастающее значение которых резюмируется в формировании единого мирового рынка; научно-технические достижения (особенно в области коммуникационных систем, средств связи и информации); политические структуры и интересы; социокультурные ценности. Они играют неодинаковую роль в формировании и поддержании международного порядка: на различных этапах исторического развития одни из них выступают на передний план, тогда как

¹¹⁸ Rengger N.J. No Longer «A Tournament of Distinctive Knights»? – London: 1990. – P. 146.

¹¹⁹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. — М.: 1991. – С. 89, 91, 94.

значение других снижается; точно так же изменения, происходящие в структуре, например, политических основ того или иного типа международного порядка, не ведут автоматически к изменениям в мировой экономике или в ценностных ориентациях международных акторов, хотя и влияют на них.

В-четвертых, на рубеже XX и XXI веков быстро углубляется раскол основ того миропорядка, который существовал со времен Вестфальской системы мироустройства (XVII в.). Органичным отражением данного раскола являются два взаимосвязанных и взаимопроникающих процесса: глобализация и фрагментации. Мировая история до утверждения Вестфальской системы, т.е. международной системы национальных государств, — это история господства и противоборства различных империй. Сейчас выясняется, что расхожее мнение о том, что империи это абсолютное зло, является в лучшем случае добросовестным заблуждением, а в худшем — злонамеренной ложью. Непредвзятый взгляд позволяет заметить, что многие важные прорывы в мировой истории были связаны с подъемом и расцветом различных империй. И, напротив, упадок империй, как правило, влек за собой наступление смутных времен, экономическое прозябание целых государств и континентов, закат политических и правовых институтов, морально-нравственную деградацию народов. Место творца, осуществлявшего имперскую созидательную работу, в этом случае занимал демон разрушения и хаоса.

Так, российский лидер В.В.Путин полагает распад СССР величайшей геополитической катастрофой. И действительно, как свидетельствуют события последнего десятилетия, ряд союзных республик, прежде всего Центральной Азии, в достаточной степени не были готовы к самостоятельному национально-государственному развитию. Плоды еще не созрели, а дерево уже сгнило. Именно поэтому для этих стран выбор своего пути и самостоятельное плавание в мировом пространстве оказался столь тяжелым. Но ведь и преждевременно появившийся ребенок со временем превращается в зрелого человека.

В XV-XVII веках в мировой политике начинается процесс формирования нового государственного и общественного устройства — национальных государств, связанный как с распадом старых империй, так и с появлением и становлением основного субъекта национальных государств — национальной буржуазии. Внутри прежних империй, сохраняющих внешние имперские атрибуты, вызревают такие национальные государства, как Франция, Англия, Португалия, Швеция, Нидерланды, Испания. Все эти страны на протяжении еще нескольких

столетий останутся колониальными империями — кто дольше, кто короче. Однако империи этого типа классическими империями уже не являлись: колонии захватывались и удерживались этими странами не для того, чтобы создать «мир миров», как это было прежде, а исключительно в целях развития национальных метрополий за счет хищнической эксплуатации заокеанских территорий. Хотя такого рода политика могла весьма искусно прикрываться имперской идеологией: мол, несли в Азию и Африку «цивилизацию», «культуру», «христианскую миссию» и проч. Собственно, именно тогда весьма рельефно проявилась разница между имперской и империалистической политикой, между имперским и империалистическим государствами¹²⁰.

В идейном плане становление национальных государств было обосновано в трудах Ж. Бодена («Книга шести государств»), сформулировавшего понятие «суверенитет», Н. Макиавелли («Государь»), разработавшего категорию «государственный интерес» и Г. Гроция («О праве войны и мира»), создавшего основы корпуса международного права. Большую лепту в идейное обоснование национального государства внесли Т. Гоббс и Б. Спиноза. Из всех европейских государств лишь Россия в эту эпоху продолжает оставаться подлинной империей, т.е. страной, объединенной общим имперским замыслом. К тому же она и не пытается создать национальное государство. Даже при Петре Великом, осуществляющим национальную модернизацию, она остается империей. Рубиконном между эпохой империй и эпохой национальных государств стал Вестфальский мир, заключенный европейскими державами в 1648 году после кровавой Тридцатилетней войны в Европе. Она началась в 1618 году с чешского восстания против гнета австрийских Габсбургов, которые в это время контролировали территорию Священной римской империи германской нации. Правда, к тому времени эта империя, формально включавшая в себя такие страны, как Германия, Пруссия, Австрия, Испания, Италия, Нидерланды и др., уже находилась в состоянии упадка. Будучи конгломератом полусамостоятельных государств, она была весьма рыхлой в административном смысле слова и жила в основном набегами на сопредельные страны. От изначального имперского замысла там не осталось и следа.

Тридцатилетняя война была воистину мировой войной своего времени: она вовлекла в свой огненный водоворот все крупные европей-

¹²⁰ Горохов В.Н. История международных отношений. 1918-1939: Курс лекций. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. - С.77.

ские государства: Швецию, Францию, Германию, Нидерланды, Данию, Чехию, Англию, Испанию, Италию, в меньшей степени — Польшу и Россию. Попытка императора Фердинанда II спасти империю, подчинив себе хотя бы ее ядро — Германию — потерпела полное поражение. Главную роль в этом сыграла Франция, в частности, дипломатия Ришелье, который сделал все, чтобы этого не допустить. Вестфальский мир 1648 года подвел следующие итоги Тридцатилетней войны: две основные силы того времени — папство и империя — были сокрушены; правда, формально Священная римская империя германской нации существовала еще несколько столетий: последний гвоздь в гроб империи вбил Наполеон в 1806 году; был создан Швейцарский союз; Испания утратила доминирующие позиции в Европе, уступив их Франции, которая превратилась на полтора столетия в региональную сверхдержаву; другие страны, такие как Швеция, Португалия, Чехия, Дания, Италия и Нидерланды, сложились в национальные государства. Последнее было, пожалуй, главным политическим итогом Тридцатилетней войны, поскольку это стало началом формирования мира национальных государств, который и составил Вестфальский мировой порядок или Вестфальскую систему международных отношений, основные элементы которого действовали до наших дней. Расцветом Вестфальской системы был XX век, который одновременно стал началом ее упадка.

Тем не менее, Вестфальская система закрепила в мировом порядке определенные правила игры, которые, с известными поправками и модификациями, работали до сих пор: Вестфальская система не запретила, а разрешила войны, в том числе и агрессивно-наступательные, начало и ведение которых она отнесла к законному праву суверенного государства; Вестфальская система не препятствовала, а по сути дела способствовала закреплению в международном праве права сильного; Вестфальская система утвердила в международном праве принцип невмешательства во внутренние дела других суверенных государств, следуя нормативной максиме, сформулированной Ж. Боденом: «Суверенитет — это абсолютная и постоянная власть государства над подданными и гражданами». Именно поэтому ни в XVII, ни в XVIII, ни в XIX вв. никто не считал себя вправе вмешиваться во внутренние дела европейских тираний, в которых откровенно и в массовом порядке нарушались права человека и гражданина. И даже в первой половине XX столетия западные демократии не вмешивались во внутренние дела нацистской Германии и коммунистического Советского Союза. Мирное

сообщество молчало, глядя на разворачивающийся в Германии геноцид евреев или массовые репрессии в сталинском СССР. Да оно и не имело никаких рычагов воздействия на такие режимы.

В результате этих изменений в мировой политике с 1991 года начала складываться своеобразная иерархия, руководящим звеном которой дефакто стали США. К ним достаточно жестко были привязаны семь ключевых партнеров, входящих в Большую восьмерку: пять союзников США по НАТО — Великобритания, Франция, Германия, Канада, Италия; находящаяся с США в военном союзе по Договору 1960 г. Япония и, наконец, Россия, находящаяся с США в отношениях стратегического партнерства. Из всей «семерки» партнеров США лишь Россия даже в 90-е годы прошлого века оспаривала главенствующую роль США и выступала в роли партнера США избирательно. По ряду вопросов она поддерживала Вашингтон, а по некоторым другим — югославский кризис, расширение НАТО — дистанцировалась от него и даже подвергла его действия жесткой критике. Однако слабость экономики России, болезненные последствия плохо продуманных реформ 90-х годов не позволяли считать ее в полной мере суверенным государством. Россия полностью зависит от мировой экономики, которую контролируют США. Ее национальная валюта намертво «завязана» на американский доллар. Другие государства «семерки» целиком и полностью зависят от США в вопросах безопасности. К мировой иерархии при лидерстве США не были подключены с 1991 года Китай и Индия. Они оказывали и оказывают влияние на мировой порядок благодаря наличию у них динамично растущего экономического потенциала, статуса мощных военных держав регионального уровня, а также колоссальных ресурсов народонаселения, способных в перспективе обеспечить Китаю и Индии решающее воздействие на глобальные демографические и миграционные процессы, а в более далекой перспективе — и на мировую торговлю. Однако спектр политического сотрудничества КНР и Индии с Большой восьмеркой всегда был ограничен. Эти страны также полностью зависят от мировой экономики, в которой пока безраздельно командуют США. Очевидно, что ни Индия, ни Китай — не соперники США в глобальной политике.

Складывающуюся в 1991-2001 гг. систему мироустройства можно было бы назвать *поли-центрической однополярностью*. Суть этого миропорядка состояла в реализации исторического проекта на базе экономической, военно-политической и этико-правовой общности стран Запада и распространения этих стандартов на

весь мир. Естественно, это вызвало достаточно ожесточенное сопротивление во всем мире, в том числе и активизацию «асимметричного ответа» в форме транснационального терроризма. Другой особенностью данного проекта было то, что новый миропорядок был основан на процессах глобализации. Это была попытка создать глобальный мир по единым стандартам. Наконец, данный проект не имел договорной базы вообще. В его основе лежала цепь прецедентов, а по существу следующих односторонних решений и концепций США: доктрина «расширения демократии» (1993); концепция расширения НАТО (1996); новая стратегическая концепция НАТО, в соответствии с которой зона ответственности НАТО распространялась за пределы Северной Атлантики; доктрина превентивных ударов; доктрина демократизации Большого Ближнего Востока.

Однополярный мир просуществовал всего 10 лет – с 1991 по 2001 гг. Началом его крушения стали террористические акты в США 11 сентября 2001 года. С 2001 года по настоящее время мы наблюдаем его распад. И это очередной водораздел в мировой политике.

Новый мировой порядок, начавший формироваться в последние годы, никем не установлен и не освящен. Не случайно его нередко называют «новым мировым беспорядком». В отличие от прошлого, сейчас нет каких-то общепринятых «правил игры» на международной арене. Одновременно действуют различные установки, в значительной степени противоречащие друг другу. Это создает опасную ситуацию неопределенности, двусмысленностей, конфликтующих подходов¹²¹. В свое время, как известно, «Рим погубила не великая персидская империя, а варвары». Наступлению нового варварства и хаоса должен быть поставлен заслон; и если кто и сможет это сделать, так только легитимные государства, действуя сообща. Поэтому новый миропорядок нельзя уже считать раз и навсегда установившейся, завершенной системой: динамический момент преобладает здесь над статикой. В основе своей существующее в этой сфере положение вещей определяется тем фактом, что каждый из субъектов международно-политических отношений действует на свой страх и риск, в соответствии со своими возможностями, целями и интересами, пониманием собственного места в сообществе других акторов мировой политики. Любое действие, направленное на ограничение возможностей других отстаивать свои законные

интересы, вызывает противодействие. Миропорядок не есть результат всецело или преимущественно сознательных, планомерных действий какого-либо одного государства или даже группы государств. В этой сфере нет, и не может быть, органа или инстанции, который был бы вправе указать тому или иному субъекту на то, какие у него должны быть интересы, цели, стратегия и т.д. В этом контексте можно согласиться с Р.Гилпином, который характеризовал сущность международной политики как постоянную борьбу между независимыми акторами, находящимися в состоянии **анархии**¹²².

В этой связи, главным содержанием современной эпохи в сфере международных отношений является переход от биполярной системы мироустройства к многополярному миру. Однако особенно область международных отношений характеризуется альтернативностью путей развития. Сейчас мы наблюдаем некое «хаотическое брожение» различных тенденций международной жизни. Особенно четко проявляет себя так называемое попятное движение. Вместе с тем как будто реализуется тенденция к однополярности или моноцентричности. Но ход событий последних лет в мире показывает, что эта тенденция лишь одна из граней сложного комплекса явлений в сфере международной жизни. Налицо непредопределенность, альтернативность, многовариантность путей развития современного мира. Переходность характера существующего миропорядка обуславливает то, что можно было бы назвать его много-укладностью, т.е. ростки будущего и черты прошлого.

ЛЕКЦИЯ

Мировой порядок: история и современность.

Понятие «мирового порядка» («миропорядка»). Миропорядок как историческая реальность и познавательная парадигма. Взаимосвязь и взаимодействие мирового порядка и системы международных отношений в историческом и современном измерении. Древнекитайская «модель» миропорядка: концепция и реальность. Древнеиранская (зороастрийская) «модель» миропорядка: концепция и реальность. Античная «модель» миропорядка («греки – варвары», «Рим – варвары»). Исламская «модель» миропорядка. Православно-христианская «модель» миропорядка («Москва – третий Рим»). Новоевропейская «модель» миропорядка («нации-государства – субъект международных отношений»). Биполярная «модель» миропорядка. Контуры нового миропорядка: от биполярности

¹²¹ Conflicts in the 21st Century / Lucia Annunziata, Marta Dassu (eds.). Roma. – Aspen Institute Italia. – 2002. – P.79.

¹²² Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge. – 1981. – P.7.

через многополярность к монополярности и вновь к многополярности.

СЕМИНАР

Мировой порядок в контексте исторических и современных международных отношений.

1. Взаимосвязь мирового порядка и системы международных отношений.
2. «Модели» (идеи и реалии) миропорядка в истории международных отношений: а) древнекитайская концепция («Срединное государство – варвары»); б) античная концепция («греки – варвары», «Рим – варвары»); в) исламская концепция «трех миров» («истинной веры» - «неистинной веры» - «отсутствия веры»); православно-христианская концепция («Москва – третий Рим»); новоевропейская концепция («принцип силы»)
3. «Старый мировой порядок» и биполярная система международных отношений.
4. Векторы формирующегося «нового мирового порядка».
 - миропорядок
 - система международных отношений
 - «модель» миропорядка
 - концепция миропорядка
 - принцип миропорядка

Логические задания по теме.

1. Дайте по возможности более четкое и емкое определение понятия «мировой порядок».
2. Можно ли воспринимать мировой порядок в качестве некоего стержня, парадигмы, нормы, согласно которой «хаос» развертывающихся международных отношений укладывается в определенную систему?
3. Каковы логико-познавательные и конкретно-исторические взаимосвязи мирового порядка и системы международных отношений?
4. В каком соотношении находились концептуальные идеи и исторические реалии в процессе формирования специфических «моделей» миропорядка в странах Востока и Запада?
5. Каким был механизм взаимодействия между историческими концепциями миропорядка и реалиями складывающихся международных отношений?
6. Обозначьте специфические признаки, отличающие каждую исторически обусловленную «модель» мирового порядка.
7. Почему распад «старого мирового порядка» и биполярной системы международных отношений вызвал «хаотическое брожение» в современных международных отношениях.

8. Какие факторы способствовали «разбалансировке» системы международных отношений?

9. Какие тенденции характеризуют формирующиеся черты «нового мирового порядка»?

10. Куда движется система международных отношений: от биполярного мира к однополюсному миру, к «дисбалансу» и «хаосу»; к многополюсному миру и т.д.?

11. Назовите основные причины, которые могут вести к «дисбалансу» и «деструктуризации» международных отношений?

12. Какие усилия нужно предпринять международному сообществу, чтобы формирующийся «новый мировой порядок» и система международных отношений стали факторами стабильного и прочного мира и эффективной безопасности?

Литература:

1. Шахназаров Г.Х. Грядущий миропорядок. О тенденциях и перспективах международных отношений. М., 1981.
2. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. М., Т.1, 1989; Т.2, 1991.
3. Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению». // США: экономика, политика, идеология, 1994, № 3.
4. Страус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России. // Политические исследования, 1997, № 2.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка. // Pro et contra. Весна 1997.
6. Загладин Н.В. Новый мировой беспорядок и внешняя политика России. // Мировая экономика и международные отношения, 2000, № 1.
7. Кулагин В.М. Мир в XXI в.: многополюсный баланс сил или глобальный Pax democratica (гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития) // Политические исследования, 2000, № 1.
8. Неклесса А.И. ORDO QUADRO – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира. // Политические исследования, 2000, № 6.
9. Дононбаев А. Международные отношения и политическая культура. Бишкек, 2001.
10. Дононбаев А. «Нация-государство и политическая культура. Бишкек, 2001.
11. Young O.R. International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society. Ithaca, 1994.
12. The Commission of Global Governance. Our Global Neighbourhood. Oxford, 1995.
13. Dark K.D., Harris A.L. The New World and the New World Order. Reading, 1996.
14. Black A. Islamic Views on International Order. // Космополис. М., 1997.
15. Zolo D. Cosmopolitics, Prospects for World Government. Cambridge, 1997.